

Буковски. Психобиографический абрис

И. Ю. Никитин

Никитин Илья Юрьевич – организационный психолог (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия), магистр искусств в области интегральной психологии (Университет Джона Ф. Кеннеди, США), студент программы «Психоанализ» (Восточно-Европейский институт психоанализа, Россия).

Статья представляет собой краткий психобиографический очерк, посвященный раннему детству немецко-американского писателя и поэта Чарльза Буковски, основанный на автобиографическом романе писателя «Хлеб с ветчиной» и ряде опубликованных биографий субъекта исследования, выполненный в междисциплинарном психоаналитическом ключе.

Ключевые слова: Чарльз Буковски, психобиография, психоанализ, развитие личности.

Генри Чарльз Буковски (1920, Андернах, Германия – 1994, Сан-Педро, США) – немецко-американский писатель, новеллист и поэт, представитель «грязного реализма», североамериканской литературной традиции, сложившейся в 80-х годах XX века, характерными чертами которой является стилистически минималистское, до предела скупое и неприкрашенное, нарочито гиперреалистичное описание рутины повседневной жизни деклассированных социальных элементов в ее несовершенстве и неприглядной природе, изобилующее темами алкоголизма, случайных половых связей, безработицы и – в случае Буковски – творческого поиска.

Литературное наследие Буковски формирует корпус из более 40 книг прозы и поэзии, большая часть из которых носит выраженный автобиографический характер (Sounes, 1999; Cherkovski, 1991; Charlston, 2010). В контексте настоящего очерка наибольший исследовательский интерес представляет литературный антигерой Буковски, протагонист значительного

количества его работ – Генри Чинаски, подчеркнуто грубый маргинализованный изгой, неудачливый писатель-одиночка, любитель женщин и пьяница, альтер эго самого Буковски. Художественное жизнеописание Чинаски открывает наиболее просторный пласт для анализа личности автора в романе 1982 года «Хлеб с ветчиной» (англ. *Ham on Rye*), посвященном детству и юношеству писателя, прошедшему в травмирующей и недружелюбной среде, как будет далее продемонстрировано в настоящей работе.

Семья Буковски – Генри Чарльз Буковски и Катарина Буковски, выходцы из Германии, переехали в Соединенные Штаты Америки в 1924 году и обосновались в Лос-Анджелесе. Этим годом, согласно «Хлебу с ветчиной», датированы первые воспоминания Буковски о своем детстве (что соответствует четырехлетнему возрасту). Немировский отмечает: «Винникотт и Кохут придерживались мнения, что ранние травмы не обязательно должны быть обусловлены какими-то "действиями". Нездоровое окружение может "сделать свое дело" через неуловимые нарушения в атмосфере формирования психики младенца <...> достаточно хронического пребывания в патологической атмосфере» (Немировский, 2010, с. 180). В свете данного представления раннее окружение Буковски можно обоснованно обозначить как «нездоровое» – потребность в межличностном общении ребенка регулярно фрустрировалась, так как Чарльзу было запрещено общаться с другими детьми (*Cherkovski*, 1991), которых отец считал недостойными общения из-за их принадлежности к беднейшим слоям общества (Буковски, 2021). Отец неоднократно применял физические наказания к сыну (частыми были порки ремнем (Буковски, 2010) и регулярно избивал мать (*Cherkovski*, 1999; *Sounes*, 1999). «Людей мой отец не любил. Не любил и меня» (Буковски, 2021, с. 17), «я рос на пинках и подзатыльниках» (Буковски, 2010, с. 102). Материнской любви Чарльз не получал, его мать Катарина была всецело посвящена мужу и не уделяла ребенку достаточного внимания или родительской теплоты, регулярно принимая сторону супруга в вопросах воспитания ребенка. Лейтмотивом отношения Генри Чарльза к сыну была на длительное время позиция, приведенная Буковски в первых главах «Хлеба с ветчиной»: «Детей должно быть видно, но не слышно» (Буковски, 2021, с. 17). Пренебрежительность и в некоторой степени брезгливость – это то, что молодой Чарльз испытывал на себе со стороны отца, к которому уже в раннем возрасте начал испытывать отвращение из-за его склочного характера (Буковски, 2021).

В «Хлебе с ветчиной», утверждает Черковски, Буковски «раскрыл воспоминания, с которыми было тяжело жить» (*Cherkovski*, 1991, р. 275); аналогичного мнения придерживался и Соунс: «Об этой части своей жизни (раннем детстве и юношестве. – И. Н.) он, кажется, рассказал неприкрашенную правду» (*Sounes*, 1999, р. 10). Так, с рядом допущений принимаемое за автобиографические сведения описание раннего детства писателя и наличие ряда биографических материалов о данном периоде его жизни за авторством третьих лиц позволяют нам выдвинуть предположение о возможности проведения ограниченного психобиографического анализа,

своей целью преследующего умозрительную реконструкцию этапов психического развития личности автора посредством анализа его литературных текстов и иных доступных источников информации.

Рассмотрение раннего этапа психического развития в данном очерке будет вестись с позиций классической психоаналитической теории с рядом заимствований из трудов неопрейдистских аналитиков. Чтобы очертить границы для понятия «раннее психическое развитие», под данным термином будет пониматься возраст от рождения до пяти лет, который выступит основным предметом исследования по ряду нижеизложенных причин. Фрейд рассматривал возраст до пяти лет и развитие эдипова комплекса, ему соответствующее, «ядерным комплексом невроза» (Фрейд, 2010а), а Адлер, определяющий поведение человека его уникальным «жизненным стилем», аналогично видел последний завершающим свое формирование к пятилетнему возрасту (Адлер, 2011). Возраст до пяти лет, а точнее, специфику протекания эдипова комплекса в данный период видела базовой причиной будущих внутриспсихических конфликтов А. Фрейд (Фрейд А., 2000), пять важнейших этапов с соответствующими эмоциональными кризисами Эриксон относил к детству и подростковому периоду – от рождения до восемнадцати лет (Эриксон, 2000). Винникотт и Кохут рассматривали первые годы жизни как первопричину всех конфликтов личности (Немировский, 2010), также данная мысль поддерживалась Малер (Малер, Пайн, Бергман, 2011) и Салливаном (Салливан, 1999).

Изложенные в романе «Хлеб с ветчиной» сведения в настоящем очерке берутся за основу интрапсихической реальности Буковски, выраженно-го интровертного мыслительного типа¹, подспорьем к указанным данным

¹ В типологической модели организации психики Юнга выделяются две личностные установки – интроверсия и экстраверсия, а также четыре функции (типа организации) – мышление, ощущение, интуиция и чувство, таким образом формируется восемь типологических групп (Юнг, 2007). Функции в свою очередь делятся на две группы – рациональную (мышление и чувство) и иррациональную (ощущение и интуиция). Одна из функций, непременно являющаяся ведущей, соответственно, ставит свою пару в положение подчиненности, остальные две занимают вспомогательную позицию (Шарп, 2008). В случае Буковски отчетливым лейтмотивом психической организации является ориентация на внутренние личностные факторы, что соответствует отличительной черте интроверсии. Шарп пишет: «Интроверт связан главным образом с впечатлениями, вызываемыми объектом у субъекта (внутренняя реальность)» (Шарп, 2008, с. 89). Так, интроверт занимает отстраненную позицию по отношению к миру и обществу, сторонится их и даже противоречит им (Юнг, 2007). По форме мышления для человека интровертного мыслительного типа факты как таковые играют второстепенную роль (не являются причиной или целью мыслительного процесса), доминирует же развитие и изложение личных идей – таким образом, происходит следование идеалам, которые ориентированы на себя, а не на других (Франц, Хиллман, 1998). Интровертный мыслительный тип, отдаляясь от общества, слабо поддается его влиянию и сам не стремится влиять, представляя исключительно субъективную оценку реальности и проявляя к мнению окружающих безразличие. Шарп также отмечает, что в крайних случаях подобная установка по отношению к людям приводит к замыканию человека на самом себе и полному отчуждению от других (Шарп, 2008), что может быть названо характеризующей Буковски чертой личностной организации. Следовательно, для интровертного мыслительного типа важнейшими структурными элементами, формирующими внутреннюю реальность, являются именно переживания и восприятия событий – пережитое как таковое, – но не события сами в себе, обособленные биографические факты. С учетом изложенного, приведенные в «Хлебе с ветчиной» сугубо личные, субъективные сведения по своей ценности для исследования личности Буковски играют ощутимо большую роль, чем любые данные, которые возможно извлечь из объективных биографических источников.

выступит информация из различных сборников малой прозы и поэзии, в которых писатель описывает свое детство и семью. Сопоставление же субъективной реальности с реальностью объективной, таким образом, будет вестись посредством привлечения информации из биографий Буковски.

Таким образом, наличие разнородного материала в отношении раннего детства Буковски позволяет нам говорить об относительно удовлетворительном соответствии *a*- и *b*-критериям² в отношении субъекта психобиографического исследования, подробно описанным в отдельной работе в ходе рассмотрения фундаментальной проблемы психобиографического исследования (Никитин, 2023).

При учете вышеизложенного допущения, однако, следует одновременно признать и отдельно отметить ограниченность методов психобиографии по вопросу воссоздания этапов раннего психического развития и, соответственно, очертить нижнюю границу исследования в настоящей статье. Значительное количество психоаналитически ориентированных авторов отводят ключевую роль в вопросе формирования психики человека временному диапазону от момента рождения человека до достижения им (ей) возраста 24 месяцев и, иногда, даже перинатальному периоду. Так, к примеру, основную причину возникновения неврозов и основной же фактор развития человека видел в травме рождения Ранк (Ранк, 2009), чьи исследования были позднее развиты Грофом (Гроф, 2008), а также нашли отражение в работах Верни в русле пренатальной и перинатальной психологии (*Verny, Kelly, 1982*). Также, в одном ряду с вышеупомянутыми концепциями стоит расположить теорию «сепарации-индивидуации» Малер, постулировавшей три фазы развития индивидуума – фазу аутизма (1–3 мес.), симбиоза (1–6 мес.) и отделения-индивидуализации (6–30 мес.), которые являются фундаментом для возникающих позднее объектных отношений (Малер, Пайн, Бергман, 2011) – т. е. «отношений человека к окружающему его миру людей и вещей, основанных на восприятии реальных или воображаемых объектов и возможных способах взаимодействия с ними» (Лейбин, 2010). Принимая во внимание существование феномена инфантильной амнезии – утраты воспоминаний детства в период от рождения до пяти-шести лет (Фрейд, 2010а), которые становятся недоступными для взрослого человека, но продолжают играть важнейшую роль в его (её) жизни (Лейбин, 2010), мы вынуждены признать тот факт, что точное воссоздание данных периодов жизни психобиографическими методами будет носить спекулятивный характер.

Воспоминания же, охватывающие возраст до пяти-шести лет (если таковые наличествуют), при всем разнообразии диагностического инструментария психобиографа могут оказаться совершенно бесполезны – представляющие из себя так называемые «покрывающие воспоминания»

² Имеются в виду наличие значительного массива автобиографических свидетельств (материалов), описывающих ранние этапы развития исследуемой личности, и наличие разносторонней биографической информации об аналогичном периоде, позволяющей производить сопоставление двух указанных групп данных, соответственно.

(воспоминания, благодаря процессам сгущения и смещения скрывающие наиболее существенное, аффективно богатое и замещающее это незначительными, неважными и зачастую не имеющими смысла образами), они являются возможными для интерпретации с выявлением истинного смысла исключительно при традиционном анализе (Фрейд, 2010б). Предметно на данный счет выражается и Салливан, отмечая, что в раннем возрасте (до пяти лет) вызывающие негативно окрашенные реакции взрослых действия ребенок ассоциирует не с собой, а с ощущением, описываемым понятием «не-я» – т. е. с диссоциацией, которая в более позднем возрасте ведет к нарушениям состояния самоидентификации; таким образом, «ребенок вообще отказывается осознавать или признавать что-либо, в результате диссоциированный материал остается вне сознания, и воспоминание о таком опыте обычно невозможно» (Салливан, 1999, с. 2). В соответствии с изложенным с определенной оговоркой нижней границей для исследования личности Буковски выступит возраст, которым датируются его первые воспоминания, а именно возраст четырех лет.

I. Анально-задерживающая стадия (Фрейд), повторное сближение (Малер), автономия против стыда и сомнения (Эриксон), младенчество (Салливан)

Первые воспоминания Буковски относятся к 48-му месяцу жизни, что в теории психоанализа соответствует позднему периоду фаллической фазы, граничащей с анально-задерживающей стадией, с одной стороны, и с латентным периодом, с другой стороны. З. Фрейд, А. Фрейд, Томпсон, Салливан, Винникотт, Кохут и Клейн сходились во мнении, что индивидуальной характер протекания эдипова комплекса (который вступает в права в фаллической фазе) тесно связан с доэдиповой историей субъекта, обуславливающей закономерности протекания самого комплекса (Фрейд З., 2006; Фрейд А., 2000; Блюм, 1996; Немировский, 2010; Тайсон, Тайсон, 2006). В свете данного представления видится важным утверждение Черковски, отметившей: «То малое, что нам известно о детстве Чарльза, нельзя узнать ни от кого, кроме него самого» (*Cherkovski*, 1991, р. 11). Принимая во внимание наложение фаз психосексуального развития друг на друга, которое в равной степени принимали и Фрейд, и Эриксон, становится возможным частично рассмотреть период времени, который не покрывается воспоминаниями Буковски, отталкиваясь исключительно от проявившихся позднее особенностей характера. Этап жизни, который в данном случае мы намереваемся рассмотреть, соответствует «анально-задерживающей» стадии по Фрейду, третьей субфазе «отделения-индивидуализации» по Малер, стадии «автономия против стыда и сомнения» по Эриксону, а также второй половине этапа «младенчества» по Салливану – т. е. датирован приблизительно семнадцатью месяцами жизни субъекта исследования. В данном возрасте, считал Салливан, важнейшим человеком для ребенка выступает мать, отношения с ней играют ключевую роль вплоть до двухлетнего возраста ребенка, когда значимую роль начинает играть отец (Салливан, 1999). Сделать

определенные выводы о характере взаимоотношений Генри Чарльза с матерью нам позволяет следующее воспоминание Буковски: «Меня мучила одна проблема – я не мог ходить в туалет. Я хотел писать, хотел какать, но стыдился, что другие узнают об этом, и из последних сил сдерживал все в себе. Это было ужасно» (Буковски, 2021, с. 31).

На «анально-задерживающей» стадии психосексуального развития ребенок получает удовольствие от затягивания процесса экскреции (Блум, 1996). Комментируя Фрейда, Абрахам пояснял базовый психологический конфликт, проявляющийся в ответ на приучение к чистоте и навык отправления выделительных функций в определенное время: «Ребенок должен отказаться от своей копрофилии и от получения удовольствия в процессе дефекации» (Абрахам, цит. по Абрахам, Гловер, Ференци, 2009, с. 25). Таким образом, мы можем выдвинуть предположение о психической природе задержек в опорожнении кишечника, которые самим Буковски болезненно воспринимались. Линдсей и Холл, комментируя Фрейда, в частности, связывали нарушения акта дефекации с жесткими и репрессивными методами взаимодействия матери с ребенком (Линдсей, Холл, 2008). Абрахам, с другой стороны, рассматривал не обусловленные физиологическими причинами запоры как показатель ущемленной гордости (Абрахам, 2007). В это же время у ребенка начинается развитие важнейшего с точки зрения Фрейда внутриспсихического конфликта – эдипова комплекса. Основополагающим данный конфликт также считал и Абрахам, проводя прямую зависимость между нарушениями в разрешении комплекса и формированием объектных отношений (Абрахам, Гловер, Ференци, 2009). На второй субфазе анальной стадии в объектных отношениях к отцу происходит первичная идентификация – состояние, когда индивид еще не окончательно осознал свою идентичность (чувство непрерывности своего бытия) от идентичности другого, т. е. различия между «я» и «ты» не существует. Параллельно с этим в объектном отношении к матери происходит вторичная идентификация – т. е. процесс идентификации, в ходе которого идентичность матери уже является обнаруженной и осознанной (Райкрофт, 1995).

В рассматриваемом возрасте, согласно теории сепарации-индивидуации Малер, ребенок проходит субфазу «повторного сближения», которая вступает в свои права одновременно с обучением ходьбе. Здесь, опять же, ключевую роль для индивидуума играет мать – ребенок интересуется ее местоположением и стремится приблизиться, что становится фундаментом для понимания матери как отдельного от самого ребенка существа. По Малер, на данной субфазе, характерной еще не полным разграничением между своими и материнскими желаниями, появляются страх потери объекта, в частности страх потери любви объекта, и зарождается кастрационная тревога. Текущие взаимоотношения с матерью, считает Малер, играют ключевую роль в развитии умения дифференцировать и проводить интеграцию, контролировать агрессию и развивать здоровый вторичный нарциссизм (т. е. «направленность сексуальности взрослого человека на собственное Я» (Лейбин, 2010, с. 416), что в значительной мере способствует бесконфликтному разрешению наступающего позднее

эдипова комплекса (Малер, Пайн, Бергман, 2011). Поскольку мы находимся в ситуации дефицита, а точнее, полного отсутствия информации о ранних взаимоотношениях Катарины Буковски с сыном, на текущем этапе сделать какие-либо выводы с позиций Малер является невозможным, однако с рядом допущений подобная возможность нам представится позднее.

Эриксон рассматривал данный аспект развития личности в рамках «элиминирующего модуса» во второй стадии жизни человека, названной «автономия против стыда и сомнения». Согласно Эриксону, проявляющиеся на данном этапе стыд, неуверенность в себе и слабОВОлие являются результатом конфликта между стремлением к автономии и ограничениями, накладываемыми ранним окружением (Эриксон, 2000), – т. е. в рассматриваемом случае стыд, о котором говорит Буковски, является следствием определенным образом сложившихся отношений с ранним окружением. Томпсон также рассматривала «анальную фазу» в срезе отношений с родителями (Блум, 1996) – что, в случае Буковски, может указывать на нарушения в сфере формирования межличностных отношений. В подтверждение данного предположения также будет уместно привести описание «анальной фазы» Лейбином: «У ребенка могут возникнуть различного рода страхи, связанные с неспособностью осуществления контроля за дефекацией <...> На этой почве у ребенка возникают внутриспсихические конфликты, разрешение которых может сопровождаться проявлением садомазохистских тенденций и агрессивных импульсов» (Лейбин, 2010, с. 61). Эриксон был убежден, что как разрешенные, так и неразрешенные конфликты, соответствующие каждой стадии развития, с новой силой вспыхивают по ходу прохождения установленных этапов жизни человека, своим уникальным сочетанием формируя уникальность жизненного пути индивидуума (Эриксон, 2000). В свете данного представления упоминание Лейбином агрессивных импульсов станет очевидно, когда мы рассмотрим следующую стадию психосексуального развития.

В интерперсональной теории психиатрии Салливана описываемый период жизни младенца называется «младенчество» и продолжается вплоть до появления артикулированной речи; на данной стадии важнейшей фигурой для индивидуума является мать. Ключевой потребностью для ребенка на данной стадии является снижение уровня тревоги, что самостоятельно проделать младенец не в состоянии, поскольку его тревога возникает исключительно в ответ на появление тревоги у матери (Салливан, 1999). Также на описываемой стадии появляются персонификации (т. е. «организации переживаний, формирующие внутренний образ других людей» (Лейбин, 2010, с. 544), которые Салливан обозначил «мать-плохая» и «мать-хорошая». Обозначают они представления, основанные на опыте взаимодействия с «плохим соском» – т. е. не удовлетворяющим потребность в пище, и, соответственно, «хорошим соском», такую потребность удовлетворяющим (Фрейджер, Фейдимен, 2008). Происходят ранние персонификации Я – т. е. самовосприятия «я-плохой», как следствие наказания и неодобрения, «я-хороший» – как результат переживаний, связанных с одобрением, и «не-я», основанное на сильных

переживаниях, вызывающих диссоциацию и не принимаемых в качестве имеющих отношения к Я. В дополнение к этому происходит постепенный переход от прототаксического уровня знаний (ранних и примитивных переживаний) к уровню паратаксическому, т. е. зачаткам логического мышления, когда строятся первые причинно-следственные связи между событиями (Салливан, 1999). Салливан отводит на рассматриваемой стадии наиболее значимую роль процессу кормления и тем способам, которыми мать уменьшает тревожность ребенка, взаимодействуя с ним – по данной причине в силу известных обстоятельств рассмотрение этапа жизни, предшествующего первым воспоминаниям субъекта исследования, становится невозможным. К следующему за «младенчеством» «детству» мы обратимся предметно несколько позже.

Похожих с Салливаном взглядов на раннее психическое развитие придерживались Винникотт и Кохут, считающие его происходящим исключительно в матрице «мать – ребенок». Так, парадигмой основных работ первого была уверенность в том, что «не существует такой вещи, как младенец» – т. е. существует неотделимая связь между ребенком и матерью, способствующая развитию врожденного потенциала или, в случае разрыва ощущения непрерывности существования, приводящая к травме (Немировский, 2010). В числе основных задач данной связи, отмечает Винникотт, включаются персонификация и контакт с реальностью – реализация. Формирующаяся самость ребенка – ощущение самого себя и своих пределов – появляется благодаря поддержке, руководству и презентации объекта со стороны матери. Данное всецело относится исключительно к потребностям и, в случае «провала» функций раннего окружения, в дальнейшем приводит к патологическим нарушениям в противодействии разрушительной силе инстинктов (Винникотт, 2008), изучением которых в рамках теории психосексуального развития занимался Фрейд. Аналогичного мнения придерживался и Кохут, считавший фрейдовское ядро невроза (эдипов комплекс) следствием ранней заброшенности. Согласно Кохуту, «развитие происходит за счет эмпатической связи объектов и субъекта» (Немировский, 2010, с. 71), а самость формируется во взаимодействии с ранним окружением (объектами самости) – постепенно интернализируясь (путем постепенного неудовлетворения потребностей, которое в конечном итоге становится легкопереносимым), образуя ядерную самость ребенка (Кохут, 2002). Согласно мнению ученого, в период жизни до шести месяцев ребенок не может отличить свою зарождающуюся самость от самости объектов – используя термин «фрагментированная самость», Кохут подразумевает, что на данном этапе от матрицы «мать – ребенок» индивидуум неотделим. С достижением второй половины первого года жизни объекты самости ребенка катектируются (т. е. получают вложение психической энергии) нарциссическим либидо и подразделяются на две группы: отражающие объекты (которые своим откликом подтверждают идею о могуществе младенца) и родительское идеализированное имаго (предметы восхищения и слияния). Оба вида объектов самости интернализируются ребенком, формируя «архаичную грандиозную целостную самость», которая, в модели Кохута, поляризована.

В результате взаимодействия с объектом образуются два полюса – собственные идеалы и амбиции с устремлениями, между которыми устанавливается дуга напряжения, область которой содержит таланты и способности. Соответственно, если процесс интернализации не прошел необходимых этапов – переживания удовлетворения своих потребностей и оптимального разочарования в раннем окружении, то вместо ядерной самости последняя становится фрагментированной, т. е. в состоянии гипертрофированности начинают пребывать или собственные идеалы, или амбиции с устремлениями (Немировский, 2010; Кохут, 2002).

Нарушения в процессе формирования самости ребенка, ведущие к фрагментированности (Кохут) или ложной самости (Винникотт), в качестве симптомов выдают депрессию, сомнения относительно своей идентичности, ощущение собственной никчемности, апатии, бессмысленности существования, что в конечном итоге ведет к промискуитету, т. е. сексуальному безразличию (Немировский, 2010). Последний пункт данного умозаключения особенно важен в контексте психобиографического исследования Буковски, однако вернуться к его детальному обсуждению мы сможем только несколько позже, предварительно рассмотрев развитие эдипова комплекса.

II. Фаллическая стадия (Фрейд), консолидация (Малер), инициатива против чувства вины (Эриксон), детство (Салливан)

Согласно представлениям Фрейда, на фаллической стадии психосексуального развития проявляются чувства, «концентрирующиеся вокруг желания обладать родителем противоположного пола и устранить родителя своего пола» (Райрофт, 1995, с. 231). На данной стадии первой субфазой идет появление амбивалентного чувства к отцу, в рамках которого любовь сосуществует с ненавистью (Лейбин, 2010).

С точки зрения психологии самости по Кохуту, главенствующая роль в эдипальной стадии развития отводится реакциям родителей на инцестуозно-сопернические стремления ребенка. В частности, «правильным восприятием» Кохут называл реакцию родителя одного пола, выражающуюся в ответе «сдержанной в отношении цели <(ребенка). – И. Н. > встречной агрессии на враждебность», и реакцию родителя противоположного пола, выражающуюся в эмпатичном и «сдержанном в отношении цели ответе на заигрывания» (Кохут, 2002, с. 220). Таким образом, рассмотрение эдипальных переживаний Буковски в рамках неэмпатических ответов со стороны окружения дает возможность критически оценить выдвигаемое в настоящем очерке предположение о патогенном влиянии нездорового окружения на психику Генри Чарльза.

Первые чувства к Генри Чарльзу, которые Буковски упоминает, характеризуются отвращением – формальной причиной для подобного отношения было вечное недовольство, которое отец испытывал по отношению к чему бы то ни было: «Я начал испытывать отвращение к своему отцу. Его все и всегда злило» (Буковски, 2021, с. 29). Отношение к отцу претерпевает в дальнейшем изменение от желания его смерти (что связано

с семейным скандалом, когда Катарина застала Генри Чарльза с другой женщиной) к презрению. На фоне процесса сексуализации отношения к матери, которая остается на всем протяжении раннего детства ребенка эмоционально отстраненной и индифферентной к его потребностям (Cherkovski, 1999; Sounes, 1999), пиком эдипова комплекса становится порка ремнем, которую отец устраивает сыну за плохое поведение в школе. Буковски описывает диалог со своей матерью, произошедший спустя несколько минут после этого: «— Это неправильно, — сказал я. — Почему ты меня не защитила? — Отец всегда прав, — ответила мать и удалилась» (Буковски, 2021, с. 49). Ценное замечание здесь делает Черковски: «Он так и не простил свою мать за то, что она не встала на его защиту — в этот и многие другие разы» (Cherkovski, 1991, p. 19).

Согласно Малер, в рассматриваемом периоде ребенок проходит субфазу консолидации. Ранее мы уже отмечали, что на предшествующей субфазе происходит развитие здорового вторичного нарциссизма, что обуславливает безболезненное протекание эдипова комплекса — так, в частности, ребенок начинает осознавать мать как отдельное от него существо. Малер считала, что консолидация, по сути, не имеет окончания и продолжается на протяжении всей жизни человека. Следствием нарушения процесса индивидуации — т. е. процесса формирования чувства своей идентичности, ощущения себя как уникального субъекта (Лейбин, 2010) — являются нарциссические фантазии о всемогуществе, трудности и проблемы в эмоциональном и интеллектуальном развитии (Малер, Пайн, Бергман, 2011). К аналогичным выводам приходил и Винникотт, говоря, что, если на этапе индивидуации мать неоднократно подведет своего ребенка, последний будет «цепляться» за свое всемогущество, что может стать основой для психопатологии и различных асоциальных психопатий (Винникотт, 2008).

По Эриксону, в рассматриваемый период ребенок проходит стадию под названием «инициатива против чувства вины». В данный период развития ребенок наиболее остро нуждается в игре и фантазии для способствования растущему чувству любопытства и открытости обучению. Одновременно с этим в ответ на ощущение свободы и упрочение собственной власти возникает чувство вины, порождающее беспокойство. Социальный компонент, считал ученый, на данном этапе полностью подконтролен родителям ребенка — в конечном итоге из-за их содействия или несодействия и будет зависеть, унесет с собой человек во взрослую жизнь ощущение вины или нет (Эриксон, 2000). Аналогичного мнения придерживались Винникотт и Кохут, утверждая: «Недостаток адекватного эмоционального ответа на потребности развивающегося ребенка вызывает травму» (Немировский, 2010, с. 91).

Позиция Эриксона, выдвинувшего игру как элемент социального взаимодействия с другими людьми на первый план в описываемой стадии, весьма близка к взглядам Салливана. В периоде, названном последним «ювенильной эрой», ученый аналогичным образом обозначил самыми важными межличностными отношениями для ребенка отношения с друзьями и равными по статусу (Салливан, 1999). Здесь важно сделать отсылку

к биографам Буковски, отметившим, что ребенка одевали в традиционную для Германии национальную одежду, что служило поводом для многочисленных насмешек со стороны соседских детей. Дополнением к этому служил акцент матери Буковски (на момент переезда в Соединенные Штаты плохо говорившей на английском) – имя сына в ее произношении стало еще одним поводом для насмешек над Чарльзом, что болезненно им переносилось (*Cherkovski, 1991; Sounes, 1999*). Картину дополняла непримиримая позиция отца по отношению к уличным играм детей, сводившая на нет любые попытки сына сблизиться с кем бы то ни было. Черковски отмечает: «Мальчишка <(Буковски). – И. Н.> отчасти винил своего отца, что создал раскол между ним и этими ребятами» (*Cherkovski, 1991, p. 4*). Таким образом, на период, когда отношения со сверстниками должны были стать основой для формирования представлений о соперничестве, компромиссе, сотрудничестве (по Салливану) и начать формировать самостоятельность (инициативу по Эриксону), Буковски оказался изолирован от какой-либо активной социальной жизни, что имело непосредственное влияние на формирование объектных отношений.

Отдельного рассмотрения заслуживает развивающаяся в данном временном периоде (согласно «Хлебу с ветчиной») привязанность к мастурбации – что, согласно психоаналитической теории, весьма закономерно, поскольку концентрация интереса на половых органах и вытекающий из этого онанизм являются ядром фаллической стадии (Линдсей, Холл, 2008). Придерживаясь хронологии описания Буковски, мастурбацию уместно будет рассмотреть как составную часть вуайеризма, который постулируется самим автором. Тайсон и Тайсон отмечают: «Кастрационная тревога <(как одно из проявлений развития эдипова комплекса). – И. Н.> может проявляться в фаллическом эксгибиционизме, вуайеризме, унижающем отношении к женщине и идеализированном преувеличении мужской сексуальности, что указывает на неадекватный нарциссический вклад, продолжающееся беспокойство о своем теле, а также на некоторые нарушения объектных отношений» (Тайсон, Тайсон, 2006, с. 315). Разделяя вуайеризм на нормальный (проявление любопытства) и перверсный (навязчивая потребность), Лейбин отмечал: «Возникновение перверсного вуайеризма <связано. – И. Н.> с разрывом отношений между ребенком и матерью в раннем детстве» (Лейбин, 2010, с. 150), что может рассматриваться в качестве дополнительного подтверждения выдвинутого предположения о наличии нарушений в процессе формирования ранних объектных отношений. Отнести навязчивый характер вуайеризма Буковски к вуайеризму перверсному становится возможным в соответствии с упоминаниями о самоудовлетворении, которые представлены в «Хлебе с ветчиной»: «Я стал заниматься этим <(мастурбацией). – И. Н.> регулярно» (Буковски, 2021, с. 123), и в другом месте: «Почти каждый день миссис Андерсон появлялась на ступеньках своей веранды, и каждый раз я брал бинокль и удовлетворял себя» (Буковски, 2021, с. 153).

Апеллируя к «Очеркам по психологии сексуальности» Фрейда, становится также возможным вывести закономерную связь данных ранних

примеров мастурбации и перверсного вуайеризма с проявившимся уже в зрелом возрасте фетишизмом. Фрейд отмечал, что выбор фетиша обуславливается влиянием воспринятого в раннем детстве сексуального впечатления, уточняя: «Направленное первоначально на гениталии влечение к подглядыванию <...> задержалось на своем пути благодаря запрещению и вытеснению и сохранило поэтому ногу или башмак как фетиш» (Фрейд, 2010б, с. 30). Согласно автобиографическим романам «Почтамт», «Женщины» и «Фактотум», описывающим позднюю юность и зрелые годы Буковски, у последнего устойчивым фетишем были женские ноги, длительное разглядывание которых было обязательной прелюдией к половому акту. Принимая ценность последнего для Буковски, таким образом, мы не можем говорить о патологии (иначе фетиш выступал бы в роли конечной цели) или о перверсном фетишизме (иначе страсть к разглядыванию вытеснила бы нормальную сексуальную цель). При этом, однако, с уверенностью можно сделать предположение о имевшихся в раннем детстве запретах, связанных с сексуальной сферой жизни ребенка.

Фактически на данном этапе занимавшие практически весь текст описания разнообразных конфликтов с родителями практически обрываются, и повествование переходит в область личной жизни Буковски. С точки зрения теории психоанализа, кульминацию эдипова комплекса, о которой говорилось выше, мы можем назвать переходным этапом к латентному периоду, который характеризуется подавлением сексуального влечения к матери, происходящим параллельно с процессом принятия отца в качестве Я-идеала (Тайсон, Тайсон, 2006). Последнее, согласно А. Фрейд, происходит посредством «идентификации (отождествления) с агрессором»: «Процесс отождествления с агрессором взаимодействует с <...> восприятием вины <за инцестуозные желания к матери. – И. Н.>. Я воспринимает критику авторитетов и синтезирует ее в Сверх-Я. <...> Усиление нетерпимости по отношению к окружающим <...> перевешивает требовательность к себе. Негодование по поводу чужих недостатков заменяет собственное чувство вины. <...> Данная ступень формирования Сверх-Я является подготовительной стадией нравственности. <...> На данном этапе Я должно пройти через сильное неудовольствие, возникающее при жесткой самокритике. Промежуточная стадия формирования Сверх-Я может не завершиться усвоением внешней критики. Агрессия к другим может не уменьшиться» (Фрейд А., 2008, с. 97). Успешная идентификация, таким образом, ведет к развитому Сверх-Я, что является фундаментом для генитального характера, рассматриваемого в классической теории в качестве гипотетического или идеального характера человека, полностью разрешившего свой эдипов комплекс и свободного от инфантильных зависимостей (Райкрофт, 1995). Аналогичным образом, в случае возникновения трудностей с разрешением эдипова комплекса, в новообразованном Сверх-Я возможны изъяны: Сверх-Я сохранит характер отца, и чем сильнее был эдипов комплекс, чем быстрее <...> произошло его вытеснение, тем строже Сверх-Я будет позже царить над Я как совесть, а может быть, как бессознательное чувство вины» (Фрейд, 2009, с.122). В отношении Буковски мы можем предположить, что внешняя критика не была

усвоена таким образом, чтобы привести к генитальному характеру – согласно утверждениям Черковски и Соунса, отношения Буковски с противоположным полом на протяжении большей части жизни характеризовались агрессией и иногда даже насилием (*Cherkovski, 1999; Sounes, 1999*), что с высокой вероятностью является идентификацией со схожей моделью поведения его отца, продемонстрированной Генри Чарльзу в раннем детстве.

Фрейд писала: «Утрирование мужского поведения с проявлением буйной агрессивности является сверхкомпенсацией и выдает кроющийся за ним страх кастрации» (Фрейд А., 2000, с. 23). Здесь мы можем допустить отклонения в процессе разрешения эдипова комплекса – отшельнический образ жизни Буковски и невозможность долго поддерживать дружеские отношения с кем бы то ни было, а также склонность к агрессии по отношению к женщинам и мужчинам, берущая начало из детства (Буковски, 2010; *Cherkovski, 1999; Sounes, 1999*), также служат подтверждением предположения о нарушениях в разрешении эдипова комплекса.

По части разнообразной и достаточно фривольной половой жизни Буковски важно сделать определенное замечание. Так, говоря о выборе объектов любви людьми с нарушениями в психосексуальном развитии, Фрейд отмечал: «Влюбленные нашего типа относятся к женщинам именно такого разряда <(проституткам). – И. Н.> как к наиболее ценным объектам любви. Любовным связям с этими женщинами они отдаются всеми силами своей души, со страстью <...> и могут любить только таких женщин и всякий раз предъявляют к себе требование неизменной верности, как бы часто ни нарушали ее в действительности» (Фрейд, 2010б, с. 147, курсив мой. – И. Н.). Так, неудивительным фактом является то, что, по словам самого Буковски, он всегда сожительствовал исключительно с порочными женщинами, однако каждой из них был верен до конца (Буковски, 2010). Последнее, впрочем, никакой критики не выдерживает – так, оба биографа писателя в однозначной манере утверждают, что в подавляющем большинстве отношений Буковски не отличался верностью и не пренебрегал изменами (*Sounes, 1999; Cherkovski, 1991*). Объясняя такую странность в выборе объектов любви, Фрейд пояснял: «Влечение к матери и после наступления половой зрелости имело место так долго, что у выбранных объектов любви оказываются ясно выраженные материнские признаки, и в них легко узнать замену матери» (Фрейд, 2010б, с. 149). Поясняя метафоричность понятия «проститутка» в связи с образом матери, Фрейд уточнял, что данная связь обуславливается тем, что женщина обязательно должна быть несвободна и должна наличествовать пострадавшая сторона: «Очевидно, что мать принадлежит отцу, и "пострадавшим третьим" является не кто иной, как отец» (Фрейд, 2010б, с. 149).

Дополнительным фактом, говорящим в пользу правильности выдвинутого предположения, служит упоминание Фрейдом любви к зрелым женщинам в качестве показателя сохранившихся инцестуозных фиксаций эдипова комплекса и, как следствие, неудачного разрешения оногo (Фрейд, 2010б) – что, как можно судить из работы Соунса, было актуальным и для

Буковски, на протяжении длительного периода своей жизни отдававшего предпочтение исключительно женщинам, значительно превосходящим его по возрасту (*Sounes, 1999*).

Степень нарушений эдипальной стадии развития мы можем критически оценить исходя из рассмотрения единожды имевшего место случая гомосексуального полового акта с женщиной. Сам Буковски, много лет спустя признавшись в этом своему биографу, упирал на случайный характер произошедшего – проснувшись одной ночью и обнаружив в постели кого-то помимо себя, он решил воплотить в жизнь давнюю мечту о занятии анальным сексом, что и совершил в силу отсутствия сопротивления со стороны партнера, которым на поверку – по утверждению Буковски – оказалась не женщина, как он полагал, а мужчина (*Sounes, 1999*). Соунс пересказывает данную историю со слов самого Буковски, не внося опровержений или доказательств ее правдивости, что позволяет скептически отнестись к вышеизложенному. Фрейд писал: «Автобиографические данные инвертированных о времени наступления их склонности к инверзии не заслуживают доверия» (Фрейд, 2010б, с. 11), что, однако, не ставит под сомнение сам факт имевшего место гомосексуального опыта у человека, на протяжении всей жизни бывшего гетеросексуальным (*Sounes, 1999*). Подобная ситуация позволяет отнести Буковски к типу «случайно инвертированных» – т. е. людей, «при известных внешних обстоятельствах <способных> – И. Н.> избрать сексуальным объектом лицо одинакового с ними пола и в таком сексуальном акте получить удовлетворение» (Фрейд, 2010б, с. 10). При том что вопрос происхождения гомосексуальности (врожденность в противопоставлении приобретенности) остается открытым, в свете выявленных нарушений в развитии эдипова комплекса уместно будет привести следующее объяснение случайной инвертированности субъекта исследования: «Инвертированные в более позднем возрасте <(как в случае Буковски)> – И. Н.> проделали в детстве фазу очень интенсивной <...> фиксации на женщине (большей частью на матери) <...> ищут мужчин в юношеском возрасте, похожих на них самих, которых хотят любить так, как любила их мать» (Фрейд, 2010б, с. 18). Весьма схожей позиции в отношении гомосексуализма придерживался и Юнг, рассматривая его в качестве остатка полиморфной и детской сексуальности и видя в гомосексуальности выражение ранних взаимоотношений с родителями. Так, одной из причин перверсии (такой точки зрения придерживался ученый) Юнг видел сверхчувствительность и слишком развитый комплекс (иными словами фиксацию) матери (Сэмьюэлз, Шортет, Плот, 2009). Современные исследования аналогичным образом не дают однозначного ответа на вопрос о психических истоках гомосексуальности, однако часть психоаналитиков сходится в едином мнении, отводя разрешению эдипова комплекса одну из главенствующих ролей для позднейшего выбора индивидуумом объектов своей любви – то есть влечений гомосексуальных или гетеросексуальных (Мур, Файн, 2000).

В соответствии с вышеизложенным, у нас снова появляется возможность вернуться к теме проблемы с дефекацией. Уже при имеющихся в достатке основаниях для обоснованного допущения о нарушениях в разрешении

эдипова комплекса представляется шанс рассмотреть нарушения дефекации как показатель отклонений в развитии объектных отношений и провалов функций всего раннего окружения (не только одной матери), оперируя терминологией Винникотта (Немировский, 2010). Утверждаемый здесь провал выражается в двух аспектах: в дефиците эмпатии со стороны матери и во фрустрации потребности в межличностном общении со стороны отца. На фоне нездоровых отношений в семье (Cherkovski, 1991; Sounes, 1999), которые признавал и сам Буковски (Буковски, 2021; Буковски, 2010), уместно будет постулировать патогенное влияние раннего окружения на ребенка и до начала «Хлеба с ветчиной» (т. е. до достижения Буковски четырехлетнего возраста). Кохут, комментируя различия в терминах «эдипальная фаза развития» (как составная часть «фаллической фазы» в ортодоксальной теории) и «эдипов комплекс», утверждал, что если фаза представляет собой норму, то комплекс является патологией (Немировский, 2010). «Если развитие ребенка проходило благодаря нормальным отношениям со средой, ребенок пройдет через нормальную эдипальную фазу, или период, в своем развитии, в которой будут преобладать сотрудничество и межпоколенческая кооперация над соперничеством и ненавистью. Ребенок и его отец будут чувствовать гордость друг за друга и не будут желать друг другу смерти» (Кохут, цит. по Немировский, 2010, с. 76). Однако, как показал вышеприведенный анализ, в терминах Кохута иначе как «эдиповым комплексом» назвать сложившуюся ситуацию представляется невозможным.

В завершение рассмотрения данного периода жизни Буковски будет уместным в краткой форме рассмотреть положения Адлера о раннем развитии личности. Так, Адлер считал неполноценность врожденным качеством любого индивидуума и полагал, что существуют три основных влияющих фактора, определяющих дальнейшую судьбу этой самой неполноценности; он выделял неполноценность органов, чрезмерную опеку и отвержение со стороны раннего окружения – при благоприятном стечении обстоятельств жизнь человека становится обусловленной стремлением к превосходству, которое является базисом для саморазвития, личностного роста и компетентности (Хьелл, Зиглер, 2003). В случае же если раннее окружение не способствует развитию ребенка, то чувство неполноценности последнего приобретет патологический характер, трансформировавшись в комплекс неполноценности – человек «становится неспособным к позитивному развитию своих творческих способностей, верх в нем берут надменность и самодовольство, высокомерие и коварство» (Лейбин, 2010, с. 344). В соответствии с предшествовавшими событиями и переживаниями, связанными в особенности с собственной неполноценностью, к описываемому возрасту (4–5 лет) у ребенка окончательно формируется стиль жизни. Под последним Адлер понимал индивидуальный способ достижения поставленных целей, позволяющий ребенку приспособиться к действительности. Так, в частности, ученый полагал, что к данному периоду личность кристаллизуется – происходит утверждение значения, придаваемого жизни, укрепляются способы достижения искомого, фиксируются эмоции. В дальнейшем кардинальное изменение

стиля жизни крайне затруднительно и происходит крайне редко (Адлер, 2011). Стиль жизни, соответственно, напрямую связан с выработанным отношением к своей неполноценности (Хьелл, Зиглер, 2003). Приступив к рассмотрению следующего этапа в развитии Буковски, мы сможем критически оценить субъект нашего исследования с позиций адлерианской индивидуальной психологии.

III. Латентный период (Фрейд), трудолюбие против неполноценности (Эриксон), ювенильная эра (Салливан)

Одним из важнейших фактов в биографии Буковски, относящихся к рассматриваемому периоду, является развившееся воспаление сальных желез. Он пишет: «Это было чудовищно. Самый тяжелый случай в городе. Прыщи и фурункулы кучно усыпали мое тело, спину и частично грудь» (Буковски, 2021, с. 165). Психосоматическую природу данного заболевания мы можем предполагать, исходя из установленных ранее нарушений, связанных с разрешением эдипова комплекса. В латентном периоде, согласно психоаналитической теории, при помощи сублимации либидо индивидуума направляется на виды деятельности, не имеющие с сексуальностью ничего общего (Хьелл, Зиглер, 2003). Принимая же во внимание неразрешенные конфликты генитальной стадии, мы вправе предполагать наличие конфликта между требованиями влечения и отрицанием этого влечения, вызванным внутренними (вторичная идентификация и вытеснение сексуализированного желания) и внешними (ориентация на иные виды деятельности) причинами. Именно таковой конфликт, считал Фрейд, является основной причиной для «выхода в болезнь, старающегося уклониться от разрешения конфликта путем превращения либидинозного стремления в синдром» (Фрейд, 2010б, с. 39).

Выраженный характер отрицания сексуальной компоненты в конечном итоге признает и сам Буковски, отмечая при этом факт наличия указанной компоненты как таковой. Так, Буковски писал, что всем нужна любовь, но не такая, которую «практикуют» большинство людей (Буковски, 2021). Контекст данного утверждения позволяет сделать предположение, что «не такая» любовь, о которой говорит писатель, здесь подразумевает любовь платоническую – т. е. мы имеем дело с принятием роли сексуальной компоненты. Обратившись к другой части повествования, идущей хронологически до приведенного выше фрагмента, мы сможем понять, что отрицание вероятнее всего имело место быть – Буковски приводит диалог со своим приятелем, в котором утверждает, что «думать о девочках» бесполезно (Буковски, 2021).

Подтвердить выдвинутое выше предположение становится возможным в соответствии с провалом функций раннего окружения (по Винникотту), который нам удалось с высокой степенью вероятности выявить в предыдущей главе, и нарушениями во взаимодействии с объектом самости в матрице «мать – ребенок» по Кохуту, который мы аналогично постулировали в части настоящей статьи, посвященной разбору фаллической

стадии. Как уже было указано выше со ссылкой на Немировского, и первое, и второе в большинстве случаев ведет к сексуальному промискуитету (Немировский, 2010), что мы и можем наблюдать в биографии Буковски (даже выходя за хронологические рамки «Хлеба с ветчиной»).

В соответствии с психоаналитической теорией, латентный период характеризуется затуханием сексуальной активности и перемещением акцента деятельности на социальную сторону жизни, т. е. на расширение круга контактов. В данном периоде жизни, считал Фрейд, берет начало развитие важнейшего процесса – сублимации, разряжения инстинктивных энергий в неинстинктивные формы поведения (Райкрофт, 1995). Ортодоксальная теория придерживается мнения, что именно на данном этапе развития происходят затухание эдипова комплекса, десексуализация отношения к родителю противоположного пола, идентификация с родителем одного пола (Лейбин, 2010).

Ранее упоминавшееся утверждение Абрахама об уникальном симбиозе черт личности, являющемся производным от специфичности прохождения каждой из стадий психосексуального развития (Абрахам, 2007), приводит нас к кажущемуся противоречию между теоретической базой и «практикой» (биографией Буковски) в вопросе взаимоотношений Буковски со сверстниками в латентном периоде. Аналогичным диссонансом проявившиеся особенности характера предстают и с точки зрения Эриксона, рассматривавшего фрейдовский латентный период в рамках стадии «трудолюбие против неполноценности». Согласно Эриксону, на данном этапе развития ребенок, попадающий за пределы узкого семейного круга, обучается новым навыкам и учится добиваться успеха в выполнении поставленных задач, с одной стороны, и становится продуктивным членом общества – с другой, обучаясь взаимодействию с другими его членами. Здесь, соответственно, кроется возможность или стать частью социума, или же замкнуться в себе, стать в определенной мере затворником и отшельником (Эриксон, 2000). Схожих с Эриксоном взглядов придерживался и Салливан, отводя ювенильной эре формирующую роль для межличностного процесса ориентации в жизни среди равных людей, выражающуюся посредством развития навыков соперничества, компромисса и сотрудничества (Салливан, 1999).

Противоречие, о котором говорится выше, заключается в манифестируемом «Хлебом с ветчиной» высоком уровне социализации Буковски – последний обретает большое количество друзей, активно принимает участие в коллективных видах спорта, перестает быть пассивным членом общества. Однако в описаниях Соунса мы видим коренным образом отличающуюся от версии Буковски картину разворачивавшихся событий. Биограф приводит мнения бывших одноклассников Чарльза и его родственников – в однозначной манере они утверждают, что юноша был скованным, замкнутым, сторонился людей и ни с кем не поддерживал близких отношений (Sounes, 1999). Также обративший внимание на расхождение между объективной реальностью и той, которую рисовал Буковски, Чарлстон рассматривал данные расхождения в рамках «личного мифа» писателя. Под данным термином Чарлстон подразумевал планомерное

замещение ряда важных биографических фактов выдуманскими событиями, служащее в конечном счете для создания образа пьяницы, балагура и *enfant terrible* современной литературы (Charlston, 2010). В рамках эвристической модели развития личности по Салливану данное противоречие объясняется селективным игнорированием, то есть отказом признавать события или явления, которые произошли в прошлом, однако не укладываются в уже сформировавшуюся Я-систему (возникающий из межличностного общения паттерн поведения, основной целью которого является защита личности от тревоги) и, соответственно, в определенной мере сознательно удаляются из памяти (Фрейдджер, Фейдимен, 2008).

Рассматривая данное противоречие в качестве производного от специфики протекания эдипова комплекса и неразрешения ключевых интрапсихических конфликтов, характерных для данного периода, допустимо будет в общих чертах охарактеризовать следствия нарушений в отношениях со сверстниками для становления психики субъекта исследования. Абрахам утверждал: «Завершение развития характера каждого человека зависит от истории его эдипова комплекса, особенно от развития его способности переносить свои дружественные чувства на других людей или на все окружение в целом. Если он не добился в этом успеха, если ему не удалось достаточно развить свои социальные чувства, то прямым следствием будет заметное нарушение характера» (Абрахам, цит. по Абрахам, Гловер, Ференци, 2009, с. 46).

Позднейшие исследования психоаналитиков подтверждают концепцию Абрахама. Так, в частности, Мур и Файн отмечают, что проходящая в данном периоде организация защитных механизмов личности (как следствие затухания эдипова комплекса) преследует цель общей гармонизации психики, то есть нивелирования конфликта между желаемым и допустимым (Мещеряков, Зинченко, 2009), – соответственно, при наиболее удачном для ребенка стечении обстоятельств последний «получает возможность направлять внимание на внешний мир, развивать психические, когнитивные и социальные навыки контактов с богатством воспринимаемых объектов» (Мур, Файн, 2000, с. 101), то есть сексуальная активность «замораживается» вплоть до вступления в генитальную фазу развития. В случае же наличия тех или иных нарушений в формировании отношений со сверстниками (то есть преобладания неполноценности в противовес трудолюбию по Эриксону) влияние вытесненных психических дериватов предшествующих стадий психосексуального развития особенно остро скажется в последующем, генитальном периоде. Мур и Файн указывают: «Если в этом возрасте <(латентном периоде). – И. Н.> обнаруживаются не полностью изжитые остатки детской сексуальности, зрелая генитальная сексуальность может оказаться либо заторможенной, либо искаженной. Кроме того, психические дериваты ранней сексуальности нередко способствуют образованию невротической симптоматики или характерологических нарушений» (Мур, Файн, 2000, с. 167).

Проследив закономерность отчуждения субъекта исследования от активной социальной жизни, на данном этапе работы необходимо вернуться к упомянутым в конце предыдущей главы рассуждениям Адлера

о раннем развитии личности. Так, в соответствии с основными положениями индивидуальной психологии, три базовых препятствия для личностного роста заключаются в избалованности, заброшенности и органической неполноценности (Адлер, 2011). Согласно рассмотренному правилу функций раннего окружения (заброшенность по Адлеру), у Буковски не развились чувства сотрудничества, или преобладания межпоколенческой кооперации над соперничеством и ненавистью по Кохуту и преобладания трудолюбия над неполноценностью по Эриксону. Таким образом, считал Адлер, отсутствие уверенности в возможности приносить пользу и завоевывать признание окружающих приводит к культивированию внутриличностных качеств, которые на бытовом уровне характеризуются определением «холодный» или «жесткий» человек (Адлер, 2011). Для дополнительной ясности по вопросу «признания окружающих» нам необходимо вернуться к упомянутому в начале данной главы воспалению сальных желез, развитие которого пришлось на начало латентного периода. С определенной уверенностью мы можем предположить, что органическая неполноценность, носившая – вероятнее всего – психосоматический характер, стала одной из ключевых причин избегания любого социального взаимодействия, другой причиной была произошедшая ранее идентификации с агрессором, асоциальным отцом соответственно.

Настоящий очерк сделал попытку реконструкции некоторых этапов развития личности Буковски, рассмотрев на имеющемся биографическом и автобиографическом материалах пороговые переходы от одного этапа развития к другому. Подводя черту под обсуждением, мы можем суммировать результаты исследования в нескольких обобщающих заключительных положениях.

В период прохождения анальной стадии психосексуального развития потребность в межличностном общении Буковски не была удовлетворена в достаточной мере (в первую очередь – в общении с матерью), что послужило источником возникновения фрустрации, выразившейся в трудностях при опорожнении кишечника. Впоследствии, на анально-задерживающей субфазе, индифферентное отношение матери к потребностям ребенка подкрепило отчуждение ребенка от нее. Общая заброшенность и провал функций раннего окружения обусловили формирование фрагментированной самости и выразились в позднейшем проявлении промискуитета (беспорядочных половых связей), а также гипертрофизации амбиций и устремлений (графомании, подробно описанной в цикле автобиографических романов Буковски и отмечавшейся обоими биографами писателя).

В ходе фаллической стадии реакции раннего окружения на инцестуозно-сопернические стремления ребенка придали идентификации с агрессором форму, при которой неусвоенная внешняя критика усилила кастрационную тревогу и стала основой сверхкомпенсаторного и утрированного мужского поведения (агрессии в отношениях с женщинами и мужчинами),

на неопределенный период отложила развитие генитального характера, создав прочную фиксацию дериватов эдипова периода для последующих регрессий (сожителства с «порочными» женщинами, превосходящими Буковски по возрасту) и обеспечив развитие перверсной сексуальности (вуайеризма, фетишизма, случайной инвертированности).

Неразрешенные конфликты эдипова комплекса и патогенная обстановка в семье к началу латентного периода привели к психосоматическому расстройству в виде тяжелого воспаления сальных желез. Суммируясь с ранней заброшенностью, данная органическая неполноценность стала причиной возникновения комплекса неполноценности, упрочившего кристаллизацию жизненного стиля, для которого центральным стало стремление к личному превосходству. Проявившийся комплекс неполноценности стал основным психологическим подкреплением для озлобленности, неполноценности (в числе прочего девиантного поведения в зрелом возрасте, алкоголизма и гемблинга писателя) в противовес трудолюбию и обеспечил недостаточно развитые регулятивные функции Сверх-Я (и, как следствие, асоциальное поведение на протяжении всей сознательной жизни). Буковски оказался не способен на близость, его самость не обрела целостности (что характеризовалось саморазрушительным и рискованным поведением, что являлось чертой жизненного стиля писателя), и, как следствие, не была достигнута идентичность Эго (что проявилось, например, в частой смене работ как следствии отсутствия целостности). Утвердилась фиксация на эдиповом периоде, социальный интерес не проявился.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрахам К.* Характер и развитие. М.: ERGO, 2007, 180 с.
2. *Абрахам К., Гловер Э., Ференци Ш.* Классические психоаналитические труды. М.: Когито-Центр, 2009. 223 с.
3. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Академический проект, 2011. 240 с.
4. *Блюм Г.* Психоаналитические теории личности. М.: КСП, 1996. 370 с.
5. *Буковски Ч.* Интервью: Солнце, вот он я. СПб.: Азбука-классика, 2010. 384 с.
6. *Буковски Ч.* Хлеб с ветчиной. М.: Эксмо, 2021. 400 с.
7. *Винникотт Д.* Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. 240 с.
8. *Гроф С.* Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. М.: АСТ, 2008. 520 с.
9. *Кохут Х.* Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002. 316 с.
10. *Лейбин В. М.* Словарь-справочник по психоанализу. М.: АСТ, 2010. 956 с.
11. *Линдсей Г., Холл К. С.* Теории личности. М.: Психотерапия, 2008. 656 с.
12. *Малер М., Пайн Ф., Бергман А.* Психологическое рождение человеческого младенца. Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011. 416 с.

13. *Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П.* Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2009. 816 с.
14. *Мур Б., Файн Б.* Психоаналитические термины и понятия. М.: Класс, 2000. 304 с.
15. *Немировский К.* Винникот и Кохут: Новые перспективы в психоанализе, психотерапии и психиатрии: Интерсубъективность и сложные психические расстройства. М.: Когито-Центр, 2010. 217 с.
16. *Никитин И. Ю.* Психобиография: некоторые размышления о кризисе жанра // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2023. Т. IV. № 1. С. 110–124.
17. *Райкрофт Ч.* Критический словарь психоанализа. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995. 288 с.
18. *Ранк О.* Травма рождения и ее значение для психоанализа. М.: Когито-Центр, 2009. 240 с.
19. *Салливан Г. С.* Интерперсональная теория психиатрии. М.: КСП+, Ювента, 1999. 352 с.
20. *Сэмьюэлз Э., Шортет Б., Плот Ф.* Словарь аналитической психологии К. Юнга. СПб.: Азбука-классика, 2009. 288 с.
21. *Тайсон Ф., Тайсон Р. Л.* Психоаналитические теории развития. М.: Когито-Центр, 2006. 408 с.
22. *Франц М.-Л., Хиллман Д.* Лекции по юнговской психологии. Подчиненная функция, чувствующая функция. М.: Б.С.К., 1998. 198 с.
23. *Фрейд А.* Психопатологии детства. М.: Nota Bene, 2000. 224 с.
24. *Фрейд А.* Эго и механизмы психологической защиты. М.: АСТ, 2008. 160 с.
25. *Фрейд З.* Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 2010. 608 с.
26. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. Минск: Попурри, 2010. 480 с.
27. *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. 400 с.
28. *Фрейд З.* «Я» и «Оно». СПб.: Азбука-классика, 2009. 288 с.
29. *Фрейджер Р., Фейдимен Д.* Большая книга психологии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. 704 с.
30. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 2003. 608 с.
31. *Шарп Д.* Типы личности. Юнговская типологическая модель. СПб.: Азбука-классика, 2008. 288 с.
32. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000. 416 с.
33. *Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Академический проект, 2007. 288 с.
34. *Charlson D.* (2010) Charles Bukowski: Autobiographer, Gender Critic, Iconoclast. KY.: Trafford Publishing.
35. *Cherkovski N.* (1991) Hank: the life of Charles Bukowski. NY.: Random House.
36. *Sounes H.* (1999) Charles Bukowski: locked in the arms of a crazy life. NY.: Grove Press.
37. *Verny T., Kelly J.* (1982) The Secret Life of the Unborn Child. Dell.

Bukowski. A psychobiographical outline

I. Yu. Nikitin

Nikitin Ilya Yu., Organizational psychologist (Higher School of Economics, Russia), Master of Arts in Integral psychology (John F. Kennedy University, USA), student of the "Psychoanalysis" program (Eastern European Institute of Psychoanalysis, Russia).

The article is a brief psychobiographical outline, devoted to the early childhood period of German-American writer and poet Charles Bukowski, based on the writer's semi-autobiographical novel "Ham on Rye" and a number of published biographies of the subject of the study, performed in an interdisciplinary psychoanalytic fashion.

Keywords: Charles Bukowski, psychobiography, psychoanalysis, personality development.